

© 1990 г.

АЛПАТОВ В. М.

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

(К постановке проблемы)

Изучение лингвистических традиций различных народов в последние десятилетия заметно активизировалось, см., например [1—4]. Однако зачастую они изучаются сами по себе, в результате чего их описания трудно сравнивать. Впрочем, традиции, отличные от европейской, почти неизбежно описываются, исходя из европейской традиции как точки отсчета, и сопоставительный аспект присутствует хотя бы имплицитно. Исследователи же европейской традиции обычно учитывают ее неединственность лишь тогда, когда речь идет о том, что пришло в европейскую науку о языке от арабов или индийцев. Между тем именно сопоставление традиций позволяет выявить их универсальные свойства, связанные с общими свойствами языка, и существенные различия, многие из которых обусловлены типологическими различиями языков народов, у которых эти традиции формировались. Разграничение универсальных свойств языка и типологических особенностей языков Европы — очень сложная задача, до сих пор решенная далеко не полностью. И сопоставление европейской науки с другими может здесь помочь. В советском языкознании первая попытка сопоставления европейской традиции с индийской и китайской была предпринята Ю. В. Рождественским [5], однако многие проблемы продолжают оставаться неизученными.

Мы будем рассматривать традиции типологически, выделяя их сходства и различия независимо от их влияния друг на друга (хотя в ряде случаев такие влияния будут отмечаться). Мы ограничимся лишь пятью из них, лучше всего изученными в лингвистической литературе: европейской, арабской, индийской, китайской и японской. Вполне возможно, что привлечение других традиций, например, тибетской, потребует внесения определенных коррективов в наши утверждения. Для европейской традиции учитываются и ее национальные варианты, прежде всего греческий и римский. Возражение может вызвать рассмотрение в одном ряду с остальными японской традиции, поскольку она сформировалась намного позже других (XVII—XIX вв.) и безусловно не автохтонна: она выделилась из китайской, испытав и некоторое влияние индийской. Однако японская наука о языке за два века, предшествовавших ее европеизации, сумела выработать много специфических черт, резко отделявших ее от китайской науки; главная из них — самостоятельное формирование грамматики. Кое в чем японская традиция типологически ближе к европейской или арабской, чем к китайской, что, конечно, обусловлено строем японского языка.

Мы предлагаем сопоставительный анализ данных пяти традиций по ряду параметров, выделение которых мы никак не считаем исчерпывающим.

Автор не является специалистом по всем описываемым языкознаниям, поэтому в ряде случаев возможны неточности и пробелы, за которые он заранее приносит извинения.

1. Причины формирования традиций, цели и задачи. Все лингвистические традиции создавались для решения конкретных практических задач. Чисто теоретические исследования появились лишь в Европе и довольно поздно: схоластика в XII в. резко разграничила спекулятивные и учебные грамматики [6, с. 188]. Очень многое в традициях было обусловлено задачами обучения того или иного рода. Для большинства народов, самостоятельно сформировавших свой подход к языку, важнейшее значение имело обучение грамоте. Исключение составляла Индия, где, как обычно считается, даже гениальная грамматика Панини была записана лишь через несколько веков после создания, а до того распространялась устно. Другой задачей, часто связанной с первой, было обучение наиболее престижной для данного народа форме существования языка. Часто это был сакральный язык: санскрит в Индии, язык Корана в мусульманском мире, латынь в средневековой Европе. Однако такой язык мог быть и светским: койне в эллинистическом мире, взънянь в Китае, бунго в Японии. Этот язык мог быть в зависимости от характера культуры чисто устным (санскрит на ранних этапах), чисто письменным (бунго, взънянь, во многом средневековая латынь) или тем и другим (койне, классический арабский), что во многом влияло на развитие лингвистических традиций. Обычно традиция формировалась (по крайней мере, в развитом виде) именно тогда, когда такому языку надо было специально обучаться. Недаром античная лингвистика существовала в зачаточном виде, пока по-гречески говорили и писали в основном греки, и стала развитой наукой в период эллинизма, когда греческое койне распространилось среди других народов, причем главным ее центром стала Александрия, находившаяся вне собственно Греции. Так же и арабская традиция сформировалась именно тогда, когда арабский язык стал распространяться среди неарабского населения. Освоение чужого языка всегда связано с языковой интерференцией, и поэтому было необходимо установление препятствующей ей нормы (см. ниже). В других традициях разрыв между материнским и культурным языком мог создаваться за счет исторического развития. Так, в Японии своя традиция сформировалась лишь тогда, когда язык культуры (бунго) настолько разошелся с разговорным, что требовал специального обучения и сознательной нормализации.

Иным аспектом изучения сакрального или светского литературного языка был филологический аспект, связанный с толкованием древних текстов. Он был значим для разных традиций, но обычно на сравнительно поздних стадиях их развития, когда наиболее престижные тексты из-за исторической дистанции становились не во всем понятными. В Индии грамматика Панини, а в Арабском халифате грамматика Сибавейхи появились до формирования филологии и, наоборот, сами потом стали предметом толкования. В александрийской грамматике комментирование Гомера влияло на развитие грамматики лишь в отдельных случаях: например, его усматривают в учении о просодии [7, с. 17]. В то же время поздно сформировавшаяся японская традиция выросла именно из филологии. Из отдельных лингвистических дисциплин филология особенно сильно влияла на фонетику, поскольку комментаторская деятельность часто была связана с реконструкцией древнего произношения. Так было не только в Японии, но и в Китае, а с XV—XVI вв. и в Европе [7, с. 109].

Еще одной областью практики, стимулировавшей изучение языка,

было стихосложение. Для его целей в той или иной мере создавались античное учение о просодии, первое описание фонотактики в средневековой Исландии в целях определения рифм и аллитерации, китайские словари рифм, изучение функций глагола и согласования в Японии (в связи с поэтическим жанром рэнга) и др. В европейской традиции на разных ее этапах большую роль играли также задачи риторики; по мнению Р. Х. Робинса, отсюда пришло в грамматику, например, понятие наклонения, связанное с различиями типов предложений для риторических целей [8, с. 34]. Для других традиций влияние этих задач не прослеживается, по крайней мере, явно.

Важным этапом для становления традиций было создание национальной письменности, каждая из рассматриваемых нами традиций связана с собственным письмом (для Японии это собственная азбука — кана, а не заимствованная из Китая иероглифика). Однако письмо обычно создавалось до появления у данного народа лингвистических сочинений или же (в Индии) вне основной линии развития науки о языке. Позднее система письма воспринималась как данность и ее принципы обычно не эксплицировались. Трактаты, обсуждающие формирование письма, появлялись лишь у народов, создававших письменности уже при сформировавшейся традиции данного культурного ареала. Таковы исландские трактаты XII в., см. о них [9; 7, с. 72—73].

2. Языковая основа и отношение к другим языкам. Каждая традиция формировалась на основе наблюдений над каким-то одним языком: древнегреческим, санскритом, классическим арабским и т. д. Как сказано выше, очень часто этот язык не был родным языком лингвиста, но это было хорошо им освоенный язык своей культуры. На ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своем языке как о единственном человеческом, а о других языках как о чем-то близком к выкрикам животных. Культурное превосходство данного народа над соседями первоначально могло лишь усиливать такие представления. Наиболее древние и автохтонные традиции вообще лишены понятия чужого языка. Древние греки относились к бормотанию варваров так же, как к мычанию быков. Долго сохранялась подобная тенденция и в Китае (по крайней мере до появления там буддизма) и в Индии. Это вовсе не означало, что никакие языковые различия не учитывались. Не раз замечалось, что древние греки, игнорируя языки варваров, были внимательны к собственным диалектным различиям [7, с. 11]. Это естественно, поскольку диалекты воспринимались как варианты единого человеческого языка, носитель любого диалекта принадлежал своему этносу.

Иная ситуация была там, где традиция (или вариант традиции) создавалась с учетом существования более культурного народа. Так было, например, в Риме и в Японии; так было бы, вероятно, и у тюркских народов, если бы труд первого тюркского лингвиста Махмуда Кашгарского нашел адекватное продолжение. Тут уже нельзя было считать, что в мире есть один язык. Для древних римлян их было два: латинский и греческий, для Махмуда Кашгарского по крайней мере два: тюркский¹ и арабский, а для японских филологов даже три: японский (бунго), китайский (вэнь-янь) и санскрит. Не могла игнорировать существование чужих языков

¹ В труде Махмуда Кашгарского описываются многие тюркские языки и диалекты, поэтому он иногда считается первым в мировой науке ученым, сопоставлявшим языки, и даже основателем сравнительно-исторического метода, см. [10]. Но, по-видимому, он подходил к тюркским языкам так же, как античные авторы к греческим диалектам: как к разным вариантам языка своего этноса.

и арабская традиция, поскольку арабы не имели абсолютного культурного превосходства над соседними народами. Однако ни в одном из указанных случаев почти не возникала потребность систематически сопоставлять языки. Так, в истории европейской традиции упоминают едва ли не единственную попытку сопоставления греческого и латинского языков у Макробия (V в. н. э.), считая ее неудачной [8, с. 62—63]. О чужих языках обычно вспоминали лишь с оценочной точки зрения: становление традиции или ее национального варианта тесно связано с возвышением своего языка. Так, крупнейший японский ученый XVIII в. Мотоори Норинага доказывал, что наличие небольшого числа слогов в японском языке — свидетельство его совершенства, а многочисленные слоги китайского языка и санскрита неправильны и похожи на звуки животных². Становление национальной традиции или ее варианта связано с переносом чужих понятий и методики анализа на язык своей культуры. Для римлян и японцев этот процесс очевиден, для арабов степень автохтонности традиции до сих пор вызывает споры.

Степень оригинальности лингвистических описаний у данного народа тем выше, чем дальше по строю их язык от языка более старой традиции. Римскую традицию принято считать лишь вариантом греческой, поскольку из-за большой типологической близости греческого и латинского языков выработанные александрийцами категории были использованы почти без изменений. Различия языков привели лишь к небольшим изменениям описания [исключение из системы частей речи артикля (члена) и замена его на междометие, добавление аблатива в систему падежей]. Два варианта европейской традиции сосуществовали в течение многих веков, почти потеряв в средние века контакты друг с другом.

Иная ситуация наблюдалась в Японии. Слишком большое различие строя китайского и японского языков привело к тому, что очень многое японским ученым пришлось создавать заново, прежде всего грамматику. Наука, заимствованная из Китая, и национальная наука сосуществовали в Японии в XVII—XIX вв., почти не соприкасаясь друг с другом. Лишь европеизация положила конец этой ситуации. Что касается арабской традиции, то если и признать влияние на нее античной и/или индийской на раннем этапе, то потом она развивалась совершенно самостоятельно.

Итак, каждая традиция в древности и средневековье стремилась к обособлению и полностью или в значительной степени игнорировала языки чужих этносов. Изменение такого подхода произошло лишь в европейской традиции на определенном этапе ее развития.

Еще в средневековье наметились попытки описывать те или иные языки Европы помимо латинского и греческого. Поначалу они подгонялись под готовый эталон: в православных странах — под греческий, в католических — под латинский. Так, в первой старославянской грамматике Иоанна Болгарского (X в.) сохранялись все греческие категории вплоть до четырех падежей, единственное замеченное различие — несовпадение в роде ряда слов [11, с. 33—39]. На границе культурных ареалов могло возникнуть смешение эталонов: написанная в Вильне церковнославянская грамматика Мелетия Смотрицкого (1619) совмещает латинские и греческие черты, например, латинская система частей речи соседствует с греческой системой наклонений. Однако московское издание

² Ср. с рассуждениями о преимуществах русского языка его старшего современника М. В. Ломоносова. Впрочем, к XVIII в. европейская традиция уже умела в отличие от японской сопоставлять языки, а сравнение русского языка с другими у М. В. Ломоносова более систематично.

грамматики 1648 г. изгоняет латинское влияние: исключается междоимение, но добавляется греческий член [11, с. 135].

Постепенно шло избавление от исходного эталона там, где он явно искажал описание. Например, уже Мелетий Смотрицкий выделял творительный и сказательный (предложный) падежи, отсутствовавшие в греческом. Но отход от эталона имел не тот характер, что в Риме. Именно многократное применение европейской традиции к языкам разных народов, не терявших культурной общности (ср. изоляцию Японии в момент формирования национальной лингвистики), привело к тому, что европейская традиция оказалась единственной, где сформировалась идея множественности и сопоставимости языков. К XVII в. она уже была общепринятой. См. в первой иностранной грамматике русского языка Генриха Вильгельма Лудольфа (1696): «Очень трудны склонения имен, так как образуются они не падежными формами членов, как во всех почти туземных европейских языках, а посредством изменения окончаний, как в латинском и греческом» [12, с. 127].

С этой идеей была связана другая, появившаяся даже несколько раньше: идея принципиального единства человеческих языков. Ее высказывали еще модисты в XIII в., но окончательно она победила в эпоху гуманизма [8, с. 78—79 и сл.]. Она смогла сформироваться лишь в Европе, тогда как другие традиции вплоть до европеизации сохраняли представления об уникальности своего языка³. На то были причины как культурного, так и лингвистического характера. В Европе постепенно начинали развиваться народности и нации, причем, во-первых, они никогда не теряли тесных контактов между собой, во-вторых, никто не имел явного превосходства над другими, в том числе культурного. В то же время большинство языков Европы было явно сходно материально и типологически. Такой однородности, возможно, не было ни в одном из основных культурных регионов мира. Тем самым все языки начинали рассматриваться как равноправные (лишь латинский язык — для всех общих и «ничей» — поначалу считался высшим из всех), а их типологическая общность интерпретировалась как принципиальное единство устройства всех языков при частных поверхностных различиях. Это единство, однако, на деле во многом было свойствами, иногда весьма «поверхностными», латинского языка, позднее к ним добавились свойства новых языков Европы. См. искусственные универсальные языки, создание которых было популярным в XVII в., вроде языка, придуманного в Англии Уилкинсом: этот язык сочетает латинские и английские черты [14, с. 305—307].

При всех подобных несовершенствах, исторически неизбежных, идея единства человеческих языков и необходимости их сопоставления имела исключительное значение. Европейские грамматики позднего средневековья по уровню были даже ниже, чем грамматики Панини или Сивавейхи. Но именно эта идея создала «открытость» европейской традиции, возможность ее применения для описания любого языка и тем самым для превращения в мировую. Недаром уже с XVI в. появились первые миссионерские грамматики, описывавшие языки иных культур.

3. Синхрония — диахрония. В отношении многих традиций справедливо отмечался их строго синхронный характер [7, с. 125; 15, с. 503;

³ Впрочем, в арабской традиции иногда говорили, например, что все языки имеют ту же систему частей речи, что и арабский язык [13, с. 321—322]. Заметим, что эта система отличалась от традиционной европейской.

16, с. 85, 95]. Видимо, ни одной из них не свойственно понимание языка как системы, изменяющейся во времени. Язык понимается как нечто существующее изначально, часто как открытое человеку богами. Многие описания вообще принципиально не предусматривают выход за пределы одной системы, так у Панини.

Однако нередко исследователи, принадлежавшие к разным традициям, замечали расхождения между описываемым языком и реальной языковой практикой. Такие расхождения оценивались как отклонение от правил, как порча языка. Задача ученого состояла в том, чтобы очистить язык от наслоений, созданных людьми, и вернуться к языку, сотворенному богами. Этим во многом объясняется свойственная чуть ли не всем традициям любовь к этимологизированию. Этимология вовсе не понималась как историческое исследование, на что справедливо указывает Я. Пинборг [16, с. 95]. Для традиционных этимологов этимон и его производные существовали и будут существовать всегда, только этимон по каким-то причинам был забыт и восстанавливается в результате исследования.

Во многих странах язык культуры представлял собой результат нормирования и очищения более ранней стадии развития разговорного языка (санскрит, бунго, вэньянь, древнегреческий язык в Византии, латынь в романских странах). Но нигде такой язык не рассматривался как более древний, он всегда считался более правильным, неискаженным, престижным языком. Даже в 1941 г., когда в Японии бунго еще активно употреблялся, лингвист Токиэда Мотоки писал, что хотя для постороннего наблюдателя бунго и разговорный язык — разные этапы развития языка, для носителя языка они различаются по престижности [17, с. 93]. А лингвистические традиции безусловно исходили из представлений носителя языка, на что справедливо указывал тот же Токиэда [17, с. 94 и сл.]. Только отдельные ученые признавали возможность изменения языка, не сводящегося к его порче, и то лишь в области лексики. Так, арабский грамматист XI в. Ибн Джинн писал о том, что язык не создан сразу целиком и возможно создание новых слов [13, с. 403].

Однако понимание изменчивости языка во времени сложилось на позднем этапе развития европейской традиции, не ранее эпохи гуманизма. Однако и после этого оно почти не влияло на характер описания. Европейская универсалистская грамматика XVII и отчасти XVIII вв. типа грамматики Пор-Рояля была чисто синхронной. Изучались прежде всего общие и неизменные свойства языка, тогда как его исторически проходящие элементы, как и поверхностные особенности конкретных языков, не представляли большого интереса. История начинает включаться в лингвистическую теорию лишь в XVIII в. Основателем такого подхода обычно считается Дж. Вико с его теорией естественной эволюции языка [18, с. 428]. В XIX в. идея историзма подчиняет себе все европейское языкознание.

В другие традиции эта идея с трудом проникает даже после европеизации. Как отмечал Хаттори Сиро [19], и в XX в. в Японии обычно описываются те или иные синхронные срезы истории японского языка и гораздо реже встречаются исторические исследования в привычном для нас понимании. Если идеи синхронной лингвистики XX в. быстро достигли Японии (например, книга Ф. де Соссюра впервые была переведена именно там в 1928 г.), то сравнительно-историческое языкознание уже более столетия почти не приживается в этой стране.

4. Отношение к норме. Этот вопрос тесно связан с предыдущим. Традиции также обнаруживают здесь большое сходство при отдельных раз-

личиях, обусловленных культурными особенностями и степенью отличия языка культуры от разговорного.

На ранних стадиях развития некоторых традиций (античность, Древний Китай), когда между разговорным и письменным языком больших различий не было и не существовал особый сакральный язык, вопросы нормы решались чисто эмпирически без выделения какого-либо строгого корпуса нормативных текстов. Филологическая деятельность также могла прямо не связываться с нормализацией: александрийские грамматисты толковали Гомера, но следовать языку Гомера жестко не предписывалось.

Однако со временем возникает представление о строгой норме, от которой нельзя отступать. В европейской традиции оно появляется уже в поздней античности, где язык авторов послеавгустовской эпохи не считался образцовым и почти не изучался [20, с. 22]; еще жестче оно поддерживалось в средние века. В Китае так считали с первых веков новой эры. В арабской и японской традициях такой подход сформировался с самого начала. В Японии это было обусловлено большим расхождением письменного и разговорного языка к XVII в., у арабов сакральностью языка Корана, а также необходимостью распространять этот язык среди неарабского населения.

Источники норм могли быть двух типов. Во-первых, это были нормативные тексты. В ряде традиций они были сакральными: Коран, латинская и греческая Библия. В Китае и Японии это были наиболее престижные и, как правило, наиболее древние памятники, язык которых считался неиспорченным или минимально испорченным. Например, в Японии это были некатализированные памятники VIII—X вв., прежде всего самый ранний — «Маньёсю». Сходная ориентация существовала и на некоторых этапах в европейской традиции. Так, в ее западноевропейском варианте в поздней античности образцовым начал считаться язык писателей I в. до н. э. и начала I в. н. э.; отброшенный после победы христианства, этот подход возродился во времена гуманистов. Сакральность текстов снимала проблему их отбора, сложную при их светском характере, но создавала проблему дополнения нормы словами и формами, отсутствующими в священных текстах.

Вторым источником нормы могли быть сами грамматик: Панини, Сивавейхи, Присциана и т. д. При этом иногда возникали противоречия между источниками норм: например, латынь, отраженная у Присциана (VI в. н. э.), отличалась от латыни перевода Библии.

Специфику имело понимание нормы в индийской традиции. Во времена Панини еще не было никаких нормативных текстов. В частности, Веды, несмотря на их сакральность, таким текстом не являлись. Вопрос о том, какой этап развития индийских языков отражен в грамматике Панини, до сих пор не получил окончательного разрешения. Однако после Панини сама эта грамматика стала источником нормы. Но ввиду особого ее характера, о котором речь пойдет ниже, нормативность у индийцев была не такой, как у арабов или средневековых европейцев, для которых образцом было все то, что там зафиксировано. В индийской же традиции в норму входило то, что могло порождаться на основе правил Панини; те же формы, которые не получались на их основе, отбрасывались.

Разной в традициях была и эксплицитность нормализаторской деятельности. Подход, принятый в грамматике Панини, исключал обсуждение вопросов нормы. В других случаях (Япония, средневековая Европа) оно имело чисто филологический характер. Особое место занимают евро-

пейская традиция античного периода и арабская традиция. Обе развивались в условиях, когда норма не очень сильно отличалась от разговорного языка, поэтому для ее установления можно было обращаться не только к текстам тысячелетней давности, но и к речевому обиходу. Для арабов нормой было все то, что имелось в Коране. Однако они понимали, что какие-то слова и формы, необходимые для общения, там могли случайно отсутствовать. Поэтому вставала проблема дополнения нормы. По мнению арабских ученых, носителями наиболее чистого (т. е. наиболее близкого к Корану) языка считались бедуинские племена. Недостающие в тексте Корана слова и формы могли включаться в норму из речи представителей этих племен. У такого ученого, как Ибн Джинни, существовала целая методика строгого отбора хороших информантов; см. об этом [13, с. 125—126]. Подобный подход нелепы для Индии или Китая. Источником нормы бывало и конструирование форм или слов по аналогии самим ученым. Такой подход мог противоречить речевому обиходу и шли споры о его допустимости: дискуссии аналогистов и аномалистов в античности, басрийцев и куфийцев в арабской науке, как уже не раз отмечалось [21, 55—56], похожи друг на друга. Иногда, как у Ибн Джинни, устанавливается иерархия этих двух способов дополнения нормы, причем учет речевого обихода хороших информантов ставился на первое место [13, с. 132—138]. Оба этих принципа — установление нормы через наблюдение над обиходом и сознательное конструирование нормы ученым — исчезли в Европе в раннее средневековье и возродились в эпоху создания национальных литературных языков, также нередко конфликтуя друг с другом; см. описание споров по вопросам нормы во Франции в XVII—XVIII вв. в книге [22]. У других народов, где до недавнего времени был значительный разрыв между культурным и разговорным языком, данные принципы появились уже под европейским влиянием.

В целом же нормативный подход независимо от степени эксплицитности играет ведущую роль в любой традиции⁴. Даже тогда, когда в европейской традиции стали появляться исследования, обособленные от конкретных практических задач, они сохраняли нормативный подход к языку: таковы, например, универсальные грамматики XVII—XVIII вв. Объективная точка зрения на язык в смысле А. М. Пешковского [23] была окончательно выработана лишь наукой XIX в. В наше время попытки сохранить или возродить национальные лингвистические традиции могут связываться с отставанием нормативного подхода к языку, как это делал в Японии упоминавшийся выше Токиэда Мотоки.

5. Требования к описанию языка. Сюда мы включаем довольно разнообразные вопросы, связанные с тем, как исследователь строит описание. Его подход бывает основан на принципах, иногда прямо формулируемых, как принцип простоты в индийской традиции, но чаще не эксплицированных и даже не осознаваемых. В этом плане специфичнее других индийская традиция, тогда как иные довольно схожи. Причина этого, вероятно, прежде всего в том, что индийцы имели дело с устным языком, тогда как для других народов основу языка составляли письменные тексты.

Хорошо известна важная особенность индийской традиции (по крайней мере, в том виде, в котором она представлена у Панини): ее порождаю-

⁴ Исключая, может быть, античную науку в ранний период ее существования (до III в. до н. э.), когда еще не стояла проблема нормирования греческого языка, а к вопросам языка обращались, по выражению Р. Х. Робинса, из естественного любопытства [8, с. 6]. Но тогда лингвистика еще была в зачаточном состоянии и не отделилась от философии.

щий характер, ориентированный на синтез текстов, тогда как другие традиции являются описывающими, ориентированными на их анализ. Если для лингвиста исходная данность — множество письменных текстов, то наиболее естественная задача — проанализировать эти тексты, разбить их на единицы, выявить значение этих единиц, их взаимоотношения и т. д. Такой подход, восходящий к античности, был свойствен европейской традиционной лингвистике, сохранился в структурализме и был поставлен под сомнение (по крайней мере, как всеобщий метод) лишь с возникновением генеративизма⁵. Аналогично поступали и другие традиции. При таком подходе задача построения текстов либо не ставится, либо ставится лишь как дополнительная (создание форм по аналогии в европейской и арабской традициях). Например, в Европе эта задача сразу выделилась в особую дисциплину — риторику — с иными, гораздо менее жесткими правилами. Во всех этих традициях был более или менее строго определенный исходный набор текстов.

В индийской традиции ставилась обратная задача: построения канонических текстов из исходных единиц (корней и аффиксов) по определенным правилам. Конечно, имплицитно и здесь были какие-то исходные тексты, однако цель была в том, чтобы строить тексты, не выходя при этом за определенные рамки, вводимые в конечном счете культурой; для ограничения этих рамок и вводились правила.

Особенности индийского подхода видны и в некоторых других принципах. Порождающий характер правил связан с представлением о языке как о закрытой системе, строго исчерпываемой правилами [24, с. 31]. Характерно здесь стремление к закрытым спискам элементов, почти не допускающим указаний типа «и т. д.». Тем самым излишним было и обсуждение проблем нормы. Если же исходен набор текстов, то язык воспринимается как открытая система, в которой всегда может найтись что-то неучтенное. Даже если множество исходных текстов фиксировано каноном (Коран, Библия), не предполагается, что в языке есть только те слова, которые в них зафиксированы. Закрытость перечня допускается лишь для низших ярусов языка: звуки в европейской и арабской традициях, моры в японской, слоги и компоненты иероглифов в китайской перечисляются списком. Однако слова, а также корни и иероглифы в тех традициях, где они выделяются, приводятся в виде открытых списков. Ни один европейский, арабский или китайский словарь не ставил перед собой задачи исчерпать все, что есть в языке. Также и при выделении парадигм задача полноты ставится лишь с точки зрения охвата всех парадигматических классов (например, всех типов склонения или спряжения), а распределение слов по классам, если класс достаточно велик, не должно быть исчерпывающим. Открытость описываемой системы и ориентация на анализ ведут к тому, что для описываемых явлений необходимо или, по крайней мере, желательно текстуальное подтверждение; подаром такое место занимают иллюстративные примеры в разных традициях от европейской до японской. В то же время у Панини вовсе нет примеров, что для европейских ученых долго выглядело как недостаток. Однако если тексты — не исходная данность, а результат применения грамматики, то подтверждающие примеры не нужны и невозможны.

Порождающий характер индийских грамматик вел и к упорядочению правил, которого не требовалось при аналитическом подходе. Их упоря-

⁵ Распространение данного принципа на устные тексты не изменило его характера, однако такое распространение могло произойти лишь после длительной практики анализа письменных текстов.

дочение возникло в синхронной лингвистике лишь в XX в., по-видимому, раньше всего в морфонологии, во многом сформировавшейся под индийским влиянием. Только в индийской традиции наблюдалось стремление к простоте и краткости правил, прямо формулируемое. Это свойство наиболее явно связано с устной формой функционирования лингвистических текстов: чем правила короче и компактнее, тем легче их заучить [7, с. 144]. Если же лингвистический труд пишется, то, наоборот, его большой объем может считаться достоинством: ср. состоящую из 18 книг грамматику Ирициана и столь же пространные труды японских филологов XVIII—XIX вв. Объем исследований значительно увеличивался, в частности, из-за необходимости приводить большое количество подтверждающих примеров.

6. Охват системы языка. В традициях может быть неодинаковым охват разных ярусов языка и разных его манифестаций (письменной и устной).

Общепринято, что у многих народов не различались звуки и буквы. Действительно, в столь далеких традициях, как европейская и китайская, одинаково именовались первичная фонетическая единица и письменный знак (при совершенно разном характере письменности). Из этого, конечно, не следует, что различия между манифестациями языка не осознавались. Обычное мнение о том, что в лингвистических традициях звучание рассматривалось сквозь призму написания, верно лишь отчасти. Почти всюду, кроме Китая, фонетика развита лучше, чем грамматология. Везде существуют хотя бы примитивные классификации звуков, тогда как какие-либо классификации письменных знаков в традициях, связанных с фонетическим письмом, не распространены. В Европе были лишь отдельные опыты, например, в XVII в. у Б. Буонматтеи [14, с. 328], об исследованиях такого рода у арабов и индийцев нам не известно, японская традиция помимо сведений, заимствованных из Китая, применяла лишь сопоставление начертаний знаков каны с иероглифами, что позволило выяснить, от каких иероглифов эти знаки произошли. По-видимому, знаки алфавитного письма функционируют в сознании как единое целое и выделение их дифференциальных признаков, теоретически возможное, не имеет практического смысла. Недаром эта проблема не привлекала большого внимания лингвистов. Иное дело — дифференциальные признаки фонем, до какой-то степени имеющие психолингвистическую реальность.

Другая ситуация лишь в китайской традиции, единственной, основанной на идеографической письменности. Как указывает С. Е. Яхонтов, до II—III в. н. э. «китайских лексикографов и комментаторов интересовали только значение и написание иероглифов, но не произношение слов» [25, с. 99]. Уже у Сю Шэня (I в. н. э.) законченный характер приобрели классификация иероглифов и выделение их составных частей. Очевидно, что сложность структуры китайских иероглифов требует умения членить их на части и составлять их из этих частей. Соответствующее учение в готовом виде вошло и в японскую традицию.

Рассмотрение устного языка сквозь призму письменного проявляется в ряде традиций (европейская, арабская, японская) на другом уровне: фиксировались чисто орфографические различия, не связанные с произношением, но обычно игнорировались те произносительные различия, которые не отражались на письме. Безусловно, письменный текст имел здесь наибольшую значимость.

Фонетика имела в каждой из рассматриваемых традиций, но имела разную степень развития. Больше всего ей уделялось внимания в индийской и арабской традициях, где она имела наибольшее практическое зна-

чение: там и там надо было сохранять и преподавать каноническое произношение. Каждой из традиций были присущи свои особенности: в индийской классификация звуков («Шива-сутры») отделена от всего остального, в арабской же традиции фонетика объединялась с морфологией. Европейская традиция, в которой чаще всего задача обучения произносительной норме не ставилась, намного уступала этим двум в детальности описания звуков, их уровень был превзойден в Европе не ранее конца XIX в. Недостаточно развитой была фонетика и в Китае и Японии, где, вероятно, сказывался характер письменности. Фонетические изыскания в этих странах, развивавшиеся в разное время и независимо друг от друга, были направлены на выяснение фонетических сходств и различий, существовавших во время создания престижных памятников. Сами же фонетические свойства (кроме, может быть, тонов в Китае) не представляли для китайских и японских филологов особого интереса.

Степень развития грамматики в традициях также неодинакова. Здесь явно прослеживается связь со строем языка. Большинство рассматриваемых традиций связано с языками, имевшими богатую морфологию. Сама морфология могла пониматься в разных традициях по-разному, но всегда требовала подробной фиксации. Поэтому в разных и независимых друг от друга традициях грамматика может занимать центральное место. В Европе термин «грамматика», первоначально понимавшийся как изучение языка вообще, именно поэтому приобрел современное значение. Остальные разделы описания начиная со времен александрийцев имели подчиненный характер. Столь же важна роль грамматики у арабов и индийцев. Японская традиция может выделяться особо именно потому, что в ней в XVIII—XIX вв. самостоятельно сформировалась грамматика. Принципиально иное положение в китайской традиции. Грамматика здесь до знакомства с западной наукой не была особой дисциплиной. Грамматические явления описывались принципиально так же, как лексические: имелись специальные словарные статьи для «пустых слов» (грамматических элементов) или даже особые словари. Такой подход знаком и другим традициям: так описывались многие грамматические элементы в Японии, предлоги, союзы, частицы, артикли в Европе (даже в составе грамматик самый традиционный способ их описания — перечисление списком с толкованием значений, т. е. словарный способ). Однако нигде больше так не описывалась вся грамматика. Тут мы видим пример такого расхождения традиций, которое не может быть объяснено ничем, кроме особенностей древнекитайского языка, бедного морфологией (а по мнению ряда лингвистов, вовсе лишенного ее).

Неравноценное место занимают в традициях и исследования лексики. Исключительно велика роль словарей в Китае. Большое число иероглифов, превосходившее возможности человеческой памяти, требовало создания иероглифических словарей, а идеографический характер письменности требовал толкования иероглифов. Поэтому большие по объему словари появились там уже в III в. до н.э., а к рубежу новой эры они обязательно включали в себя толкования. Словари были в центре внимания во все последующее века. Китайские способы описания лексики перешли и в Японию, где и в период формирования национальной традиции словари продолжали составляться в китайском духе. Оригинальные свойства японской лексикографии стали проявляться, пожалуй, уже тогда, когда там начали создаваться словари европейского типа [26]. Из народов, применявших фонетическое письмо, наиболее разработанную лексику имели арабы (а также иранцы); есть даже мнение о том,

что именно лексикология была ведущим аспектом в арабской науке [27, с. 42]. Возможно, это было связано с ролью, которую играло толкование Корана в арабской культуре. Хотя при подходе, принятом у Панини, создание словаря не требуется, другие ответвления индийской традиции уделяли немалое внимание лексикографии. Европейская же традиция здесь долго отставала, грамматики появились раньше, чем словари. Преобладало описание лексики в филологических целях, составлялись глоссы, т. е. объяснения непонятных слов в памятниках; идея же словаря как описания всей лексической системы языка появилась в Европе лишь в новое время.

Особое место во всех традициях занимала семантика. Она привлекала внимание прежде всего в двух связанных между собой аспектах. Во-первых, это этимология в указанном выше смысле, т. е. выявление правильного, неиспорченного облика слов и выяснение помогающих найти такой облик связей между словами. Этимологизирование во всех традициях поразительно сходно. Во-вторых, это нахождение причинных связей в процессе именования, выявление природных свойств предмета или явления, которые потребовали использования тех или иных звуков для их обозначения. Такие исследования, вероятно, бывшие одним из стимулов развития фонетики, предполагали представление о своем языке как о единственном, достойном изучения. Семантика такого рода хорошо известна по диалогу Платона «Кратил», диалог показывает также, что не все с ней соглашались. Ту же направленность имеет и гораздо более изощренная методика Ибн Джинни, который изучал так называемую большую деривацию, пытаясь выявить семантические связи между словами, где независимо от порядка имеются те же корневые согласные; он основывался на том, что исконную связь с понятиями имеют не столько звуки, сколько их комбинации [13, с. 252—253]. Японские же этимологи пытались найти исконное значение у каждой моры. Каждый конкретный подход имел особенности, связанные, в частности, со строем своего языка, но едва ли не все традиции считали, что имена даны вещам не случайно и что познавая звучание слов, можно познать свойства того, что ими обозначено. Такие исследования, иногда именуемые «большой семантикой», дополнялись «малой семантикой»: изучением синонимии, перифразирования, отношений в словообразовательном гнезде (ср. «малую деривацию» у Ибн Джинни, где в отличие от «большой деривации» выявлялись связи между однокоренными словами). Позднее в лингвистической науке «малая семантика» развивалась в рамках лексикологии, а «большая семантика» (исключая анализ оноματοпоэтической лексики) была отвергнута как ненаучная или переосмыслена как этимология в современном значении, хотя традиционная этимология существовала в Европе еще в первой половине XIX в., а в Японии дожила почти до наших дней.

Мы рассмотрели в основном сходства и различия пяти традиций в отношении наиболее общих свойств языка. Традиции могут сравниваться и в более конкретном плане, связанном с их подходом к отдельным ярусам языка. Например, в китайской традиции первичной фонетической единицей является слог, в японской — мора, в арабской — согласный и долгий гласный звук, в европейской и индийской — звук (единица, соотносимая с фонемой). Первичной грамматической единицей в европейской и арабской традициях является словоформа, в индийской — в значительной степени корень, в китайской — слогоморфема, в японской — единица, близкая к основе слова. Во всех традициях можно говорить о систе-

мах частей речи, но классификации не во всем совпадают. Такие сопоставления могут быть полезными как для целей типологии, так и для создания психологически адекватных языковых моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Current trends in linguistics. V. 13. The Hague; Paris, 1975.
2. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
3. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
4. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
5. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
6. Bursell-Hall J. L. The Middle Ages // Current trends in linguistics. V. 13 The Hague; Paris, 1975.
7. Robins R. H. A Short History of Linguistics. Bloomington; London, 1968.
8. Robins R. H. Ancient and medieval grammatical theory in Europe with particular reference to modern linguistic doctrine. L., 1951.
9. Кузьменко Ю. К. Средневековые исламские грамматические трактаты // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
10. Джафар А. Из истории применения сравнительно-исторического метода к изучению тюркских языков // Материалы Первого всесоюзного совещания востоковедов. Ташкент, 1959.
11. Засадкевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883.
12. Ларин Б. А. Русская грамматика Мудольфа 1696 года. Л., 1937.
13. Mehiri A. Les théories grammaticales d'Ibn Jinnî. Tunis, 1973.
14. Brekle H. E. The Seventeenth Century // Current trends in linguistics. V. 13. The Hague; Paris, 1975.
15. Staal J. F. Sanskrit philosophy of language // Current trends in Linguistics. V. 5. The Hague; Paris, 1969.
16. Катенина Т. Е., Рудой В. И. Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
17. Токиэда Мотоки. Основы японского языкознания // Языкознание в Японии. М., 1983.
18. Aarsleff H. The Eighteenth century, including Leibnitz // Current trends in linguistics. V. 13. The Hague; Paris, 1975.
19. Nattori Shiro. Descriptive Linguistics in Japan // Current trends in linguistics. V. 2. The Hague; Paris, 1967.
20. Гроцкий И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953.
21. Ахмедович В. Г. Арабское языкознание средних веков // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
22. Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII — начала XIX века. Структура знания о языке. М., 1987.
23. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // РЯШ. 1923. № 1.
24. Димри Д. П. Индийская и русская филологическая традиция: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
25. Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
26. Алпатов В. М. О специфике японских словарей // Язык и культура. Новое в японской филологии. М., 1987.
27. Звегинцев В. А. История арабского языкознания. М., 1958.